

СЕМАНТИКА ТЕОНИМОВ «ХОРС», «АЛАВ», «ДИВ» В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ДРЕВНЕКУМЫКСКОМ ПАМЯТНИКЕ «АНЖИ-НАМЕ»
(«Сказание о битве при Анжи»)

*Работа представлена кафедрой турецкого языка
Дагестанского государственного педагогического университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. А. Халипаева*

В статье впервые рассматривается проблема семантического взаимовлияния двух древних памятников литературы – древнерусского «Слова о полку Игореве» и древнекумыкского «Сказания о битве при Анжи» – с позиции использования в них общих теонимов как доказательства наличия общетюркских (в частности, болгарских) источников в обоих памятниках. Автор рассматривает три общих теонима «Хорс», «Алава», «Див», которые присутствуют в исследуемых памятниках в качестве метафорического усиления характеристик героев и сложившейся трагической ситуации. Сравнительно-типологический метод исследования позволяет автору сделать вывод, что теоним «Алав» – это калька теонима «Хорс», а теоним «Див» семантически идентичен в обоих памятниках. Из этого следует, что древнекумыкское «Сказание о битве при Анжи» – результат литературного клише, основанного на сюжете, композиции и наборе мифо-поэтических изобразительных средств древнерусского памятника «Слово о полку Игореве».

The author of the article for the first time in the history of literary analysis considers the problem of the semantic influence of two ancient monuments of the literature from the point of view of use in both of them of common mephonims, as a proof of presence of the Common Turkish sources for both monuments. The author considers three general mephonims «Hors», «Alav», «Dev», which are present in researched works as means of metaphoric reinforcement of the features of the protagonists and established situation.

Героико-исторические песни дагестанского фольклора до сегодняшнего дня изучались с позиций национальной литературно-поэтической традиции. Исследователи касались отдельных вопросов жанра, проблем общности поэтических традиций горцев Дагестана, затрагивая исторические основы. Начиная с 1947 г. дагестанские фольклористы издали целый ряд монографий, посвященных литературному аспекту исторического и героического фольклора. Однако по сей день нет ни одного серьезного исследования в области семантических особенностей эпических текстов, посвященных героическому прошлому дагестанских этносов, в том числе и кумыков. Между тем семантический анализ указывает на ряд особенностей формирования кумыкского эпоса, в частности на то, что в нем наблюдает-

ся ряд исторически обусловленных заимствований из эпоса, принадлежащего не только Древнему Востоку, но и Древней Руси. Речь идет о военной повести XII в. «Слово о полку Игореве» и о ряде героических песен южных кумыков, таких как «Сказание битве при Анжи» и «Окаменевшая Аймеседу»¹.

Памятники героического эпоса, которые дошли до нас, дают не только важные сведения об архаичном пласте эпического творчества Дагестана, но и интересный материал в области лексикологии и семантики, а также сравнительной типологии. В этом плане научный интерес представляют теонимы **Хорс**, **Алав** и **Див**, которые присутствуют соответственно в «Слове о полку Игореве» и «Сказании о битве при Анжи».

В древнерусской повести о походе Игоря имя **Хорс** однозначно трактуется как один из многочисленных тюркизмов, присутствующих в тексте. Имя **Хорс** дано в контексте идиомы, адресованной князю Всеславу:

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до курь Тмутроканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше»².

Это одно из лирических отступлений автора «Слова» о былом могуществе Руси в контексте основной коллизии поражения Игоря. **Хръсови** употреблено в д. п. ед. ч. от **Хръс** – **Хорс**.

Кто же этот «великий Хорс», которому Всеслав пересекает путь? Согласно древнебулгарской мифологии, это **Алп** (бог второго уровня в божественном пантеоне тюрков, покровитель кузнечно-оружейного дела и Божьей вести о предстоящей смерти или каре), сын Мара и Туран. По воле Тангры он доставлял души умерших с Земли на Небо. Принимал вид грифона, орла, беркута, сокола и других хищных птиц. В болгарском эпосе Алп являлся символом неотвратимости Божьего суда и наказания за грехи. Другие болгарские названия Хорса – Саин (Добрый, Счастливый), Аспар (Суровый). По преданию, Хорсу нельзя было переходить, перебежать дорогу, так как в наказание за это он лишал воина удачи в ратном деле или в поединках³.

«Нельзя было никому перебежать дорогу Хурсе, иначе исчезала сила его оружия», – рассказывает древнебулгарская летопись⁴.

Сравнив со строфой из «Слова» строфу из болгарского эпоса, можно понять, что перед нами идиома, этимологически восходящая к древнетюркской народной поэтической традиции. Итак, чтобы подчеркнуть храбрость Всеслава, автор приводит пример редкого отчаяния князя: он переходит дорогу самому Хорсу, не страшась, что его оружие потеряет силу. Безусловно, не зная мифологии тюрков, трудно проследить этимологию этого имени и его функции. Поскольку автор не комментирует своей ме-

тафоры, то очевидно, что имя Хорса в те времена было известно на Руси, более того, оно было на слуху и с ним были связаны поверья, приметы, суеверия.

Кумыкский язык как язык тюркской группы до сих пор использует в своей лексике это слово, которое утратило свое первоначальное теонимическое значение, но, очевидно, восходит именно к нему.

Толкованию теонима **Хорс** посвящена статья «Древнекумыкский теоним Хорс» профессора К. С. Кадыраджиева, который пишет: «Древнерусский теоним **Хорс** не имеет убедительной индоевропейской этимологии, что еще раз свидетельствует в пользу тюркского происхождения этого слова. Древнебулгарское **Хурса** – **хорыс** соответствует кумыкской основе **хосур** (ненависть, зависть). В свою очередь, слово **хорс** имело в древнекумыкском языке более древний вариант – **къорс**. Этот вариант сохраняется в кумыкском языке в составе производного глагола **къарс аламакъ** – волноваться, раздражаться»⁵.

На первый взгляд теоним **Алав**, встречающийся в «Сказании о битве при Анжи» («Анжи-наме»), имеет мало общего с теонимом «**Хорс**» из «Слова», так как трактуется исследователями как «языческий бог огня»⁶. Однако при более подробном этимологическом анализе выясняется, что оба слова – суть одно и то же, что подтверждается опять-таки с помощью кумыкского языка.

Поэтому этимологию теонима **Хорс** из «Слова» и теонима **Алав** из «Сказания о битве при Анжи» мы связываем между собой, считая семантическими кальками одного и того же теонима, обозначающего бога огня и кузнечного мастерства. Перед нами типичный пример кальки, когда имя одного и того же бога переводится в той транскрипции, которая ближе конкретной культуре конкретного народа. Примечательно и то, что рядом с именем **Алав** стоит именное приложение – определение «стрелы»:

Дувлар ярып, гъавлай гелген душмангъа
Алавумну атын тутуп атарман.

И невероятно пробивные стрелы сделаю...
Я стану стрелять ими с именем Алава...⁷

Итак, стрелы Хорса и стрелы Алава указывают на принадлежность этого бога к одной теистической функции пантеона тенгрианства, что говорит об общности культур народов Древней Руси и Древней Кумыки и их близости древнебулгарской, в которой Хорсу приписывается изобретение стрел и лука. Это предположение исторически оправдано, так как кумыки упоминаются в «Слове о полку Игореве» под именем половцев, о которых известно, что они не только враждовали с древними русичами, но и довольно часто объединялись с ними в дружественные союзы. В самом «Слове» подтверждением этому служит эпизод диалога Гзака и Кончака о женитьбе племянника и сына Игоря на половецких княжнах.

Но вернемся к анализу теонимов. На наш взгляд, присутствие Алава в «Анжи-наме» определено контекстом «Слова», которое, вероятнее всего, было взято за литературный образец написания «Анжи-наме». Многие общие места говорят об этом.

В указанной выше статье Кадыраджиев отмечает: «Основа **хосур** – **хорус** – **къорс** “ненависть, зависть” семантически соответствует варианту **къарс** – (**алав**) “раздражение”. Вторичность этих значений и первичность значения “огонь” подтверждается типологией развития понятий “ненависть, зависть, ревность, горе, беда” от исходных значений “огонь, гореть”, ср. русское “горе” от гл. “гореть”». ⁸

Итак, этимологически теонимы Хорс и Алав восходят к слову «огонь». Трансформация метафоры «бог-кузнец» в «бог огня» здесь очевидна, потому что огонь – непременный атрибут кузнечного ремесла.

В обоих произведениях мы встречаем еще один общий теоним – **дэв** или **див**. Этот персонаж также вызывает семантический интерес в связи с поисками заимствований

из древнерусского памятника в древнекумыкский.

Контексты, в которых встречается **див** в «Слове», в общем, дают возможность строить догадки о его значении. Наиболее очевидное и, так сказать, легкое направление – видеть в этом образе зловещую птицу с дальнейшей конкретизацией вплоть до биологического вида: отсюда толкования вроде филина первых издателей «Слова»⁹. Однако это не так.

Данный теоним в форме **див** выступает не как реальное живое существо, а как элемент мифопоэтических представлений, мифологический образ. В таком случае **дивь** «Слова» неотделим от болгарского **див** «чудовище» и позже от турецкого **dev** «великан, демон». Таким образом, перейдя в старославянский **дивь**, оно выступает все же в значении «чудовище, демон», а не в значении «чудо, диво», как предполагают и даже утверждают некоторые исследователи¹⁰.

А. М. Аджиев, И. А. Халипаева¹¹, рассматривая мифонимы древнекумыкских текстов, соглашаются с этой версией и придерживаются мнения, что **дэв** – демон общетюркской мифологии¹². О нем подробно рассказывается в преданиях болгар, **див/дэв** также присутствует во всех эпохах тюркских народов.

Происхождение лексемы **дивь** от тюркского названия демона, злого духа согласуется со зловещей функцией, которую выполняет **дивь/дэв** в «Слове» и в «Сказании», не вызывая при этом существенных трудностей собственно этимологического характера. Можно предполагать в данном случае не просто заимствование, а преемственность формул, текстов, мифологических представлений. Только учитывая это обстоятельство, можно искать подход к литературоведческой трактовке образа **Дива**.

Рассмотрим контексты памятников, в которых присутствует **див/дэв**.

В «Слове о полку Игореве»: *збися див, кличетъ връху древа.*

Эта словесная формула употребляется автором тогда, когда он предрекает пора-

жение Игорю и его дружине еще в начале похода.

В «Сказании о битве при Анжи»: **Билдиригиз – гьянга гезлю дев гелген** «Оповестите – пришел дэв». Словесная формула используется, когда Анжи угрожает реальная опасность.

Получается, что **див** «Слова» и **дэв** «Сказания» употребляются в одном и том же семантическом поле, символизируя враждебное начало. Отсюда следует вывод, что истоки этого мифонима древнетюркские. В древнебулгарском эпосе образу **дива/дэва** отводится очень важная роль – это демоническое божество темного начала, которое находится во враждебных отношениях не только с людьми, но и с алпами – демоническими божествами светлого начала. И если алпы (во всяком случае, многие из них) перешли из тенгрианства в монотеистическую религию (в частности, в ислам) как добрые, не противостоящие Аллаху божества, то **дивы/дэвы** остались враждебными.

Таким образом, и в «Слове о полку Игореве», и в «Сказании о битве при Анжи» словосочетания **кричит див и дев**

гелген имеют аналогичный семантический контекст, выражающий приближающуюся беду.

Говорить о том, что образ дива заимствован кумыками у древнерусских писателей, не имеет смысла – в обоих произведениях наличествует тюркская калька, которая трактуется как идиома, соответствующая описанию внезапной, неуправляемой человеком и неотвратимой беды.

В заключение анализа теонимов **Хорс** и **Алав** мы можем предположить, что перед нами два имени одного и того же бога, который для обоих народов имел важное социальное значение и который проливает свет на версии о языческом пантеоне богов Древней Руси, подтверждая версию о причастности древних русичей к тенгрианству. Использование же в обоих произведениях образа **дива/дэва** конкретно указывает на причастность обоих народов к одной из самых древних политеистических религий – тенгрианству – и свидетельствует о том, что древнекумыкское «Сказание о битве при Анжи» было создано под влиянием древнерусского «Слова о полку Игореве».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Халипаева И. А. Мифологическая проза кумыков. Махачкала, 1994. С. 52–56; Алиев С. М.-С. Хрестоматия по дореволюционной кумыкской литературе. Махачкала, 1980.

² Слово о пълку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. Древнерусский текст / Подготовка текста В. И. Стеллецкого. М., 1981. С. 11.

³ Там же. С. 11.

⁴ Нурутдинов Ф. Г.-Х., Шарипов Р. Ш. Бахши Иман Джагфар Тарихы. Т. II. Редакция вестника «Болгар иле». Оренбург, 1994. С. 149.

⁵ Там же. С. 150.

⁶ Кадыраджиев К. С. Древнекумыкский теоним Хорс // КНКО. 2002–2003. № 8–10. С. 78–79.

⁷ Халипаева И. А. Указ. соч. С. 111.

⁸ Алиев С. М.-С. Указ. соч. С. 25.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ Слово о пълку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. С. 15.

¹¹ Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983. С. 180.

¹² Халипаева И. А. Указ. соч. С. 85.

¹³ Аджиев А. М. Устное народное творчество кумыков. Махачкала, 2005. С. 320.

¹⁴ Микаиль Шамси Баишту. Сказание о дочери Шана / Под ред. проф. З. Н. Акавова. Махачкала, 2003. С. 12–15.